

Соколов П. П. К вопросу о психологическом отношении человека и животных [Рец. на:] *Светлов П. Я., священ.* Человек и животное в психическом отношении / Отд. отт. из журн. «Вера и разум». Харьков, 1892 // Богословский вестник 1893. Т. 1. № 3. С. 597–611 (2-я пагин.).

Къ вопросу о психологическомъ отношеніи человѣка и животныхъ.

(Критическая замѣтка).

Священникъ П. Светловъ. Человѣкъ и животное въ психическомъ отношеніи. Харьковъ 1892. (Отдѣльный оттискъ изъ журнала „Вѣра и Разумъ“).

Сравнительная психологія и зоопсихологія принадлежатъ къ числу наукъ, которыя еще до сихъ поръ не вышли изъ пеленокъ и пока составляютъ лишь задачу будущаго. Въ области этихъ наукъ не только не существуетъ общепризнанныхъ обобщеній и выводовъ, но нѣтъ даже достаточно провѣреннаго фактическаго матеріала для такихъ выводовъ. Мало того, у этихъ наукъ нѣтъ даже точныхъ методовъ изслѣдованія. Между тѣмъ, какъ вопросъ о методахъ психологіи человѣка въ послѣднее время подвергся такой широкой и систематической разработкѣ, методологическія изслѣдованія почти не коснулись сравнительной психологіи и зоопсихологіи. Правда, въ западной литературѣ существуетъ множество сочиненій по сравнительно-психологическимъ и зоопсихологическимъ вопросамъ; но, къ сожалѣнію, большинство этихъ трудовъ не имѣетъ никакого научнаго значенія. За немногими исключеніями эти труды наполнены или безночвенными теоріями и праздными разсужденіями, или анекдотическими разсказами, которые могутъ быть интересны только дѣтямъ. Если таково вообще положеніе сравнительной психологіи и зоопсихологіи, то въ нашей русской наукѣ оно особенно печально. У насъ нѣтъ ни одной работы въ этой области, которая заслужи-

вала-бы упоминанія. Сравнительно-психологическіе и зоопсихологическіе вопросы какъ-то не привлекали къ себѣ вниманія серьезныхъ русскихъ ученыхъ, и все, что мы здѣсь имѣемъ, суть или переводы иностранныхъ сочиненій, или жалкія компиляціи.

Все это даетъ намъ пѣкоторое право обратить вниманіе на вышедшую въ прошломъ году брошюру священника Свѣтлова „*Человѣкъ и животное въ психическомъ отношеніи*“. Впрочемъ, мы должны заранѣе сказать, что эта брошюра не можетъ заполнить никакого пробѣла ни въ наукѣ вообще, ни даже въ русской наукѣ. Она принадлежитъ перу дилетанта, лишеннаго специальной подготовки и, повидимому, пишущаго по такимъ вопросамъ въ первый разъ. Если мы рѣшились подвергнуть ее разбору, то для этого существовала еще другая причина кромѣ чисто научной: брошюра имѣетъ апологетическій интересъ.

Научная неопытность автора обнаруживается уже въ постановкѣ его задачи. Указывая на то, что главные препятствія для правильнаго рѣшенія вопроса о психологическомъ отношеніи человѣка и животныхъ заключаются до сихъ поръ „въ недостаточной установкѣ правильныхъ методовъ изслѣдованія или въ полномъ ея отсутствіи“, о. Свѣтловъ говоритъ на 2 страницѣ: „Наша небольшая статья, не претендуя на увеличеніе и безъ того большого числа существующихъ теорій или воззрѣній новымъ положительнымъ рѣшеніемъ вопроса, посвящается, въ видѣ опыта, указанной методологической сторонѣ вопроса, обходимой (предшествовавшими?) изслѣдованіями. Она представляетъ приблизительный образчикъ того, въ какомъ направленіи и какимъ образомъ долженъ рѣшаться вопросъ, въ рѣшеніи котораго непосредственно заинтересовано богословіе“. На основаніи этихъ словъ можно было-бы думать, что авторъ беретъ на себя крайне трудную и требующую многихъ специальныхъ знаній задачу — установить точные методы сравнительной психологіи и зоопсихологіи. Если-бы ему удалось выполнить такую задачу, онъ этимъ, конечно, сразу создалъ-бы себѣ громкое ученое имя. Мы привѣтствовали-бы его тогда какъ основателя этихъ наукъ, потому что установить ихъ методы, значить ни болѣе, ни

менѣе, какъ создать ихъ. Но—*ultra posse nemo obligatur*: можно быть напередъ увѣреннымъ, что о. Свѣтловъ вовсе не предполагалъ открывать Америки и лишь по недоразумѣнію обмолвился вышеприведенными словами. И дѣйствительно, его подлинная задача гораздо скромнѣе и проще: какъ показываетъ дальнѣйшее содержаніе его брошюры, онъ хочетъ только сдѣлать краткій обзоръ существующихъ теорій по избранному имъ вопросу и выяснить Библейскую точку зрѣнія на предметъ.

Авторъ начинаеть свою работу изложеніемъ Библейскаго ученія. Онъ дѣлаетъ Священное ученіе своею исходною точкой и своею конечною цѣлью; въ немъ ищетъ онъ руководящихъ нормъ для критики противоположныхъ воззрѣній и данныхъ для положительнаго рѣшенія вопроса. Но онъ излагаетъ его слишкомъ кратко и неполно. Показывая въ общихъ чертахъ, что Библия отрицаетъ у животныхъ разумъ, свободу, личность и безсмертіе и приписываетъ имъ низшія психическія функціи, онъ почти не останавливается на детальномъ анализѣ Библейскихъ текстовъ и ограничивается глухими ссылками. Между прочимъ, онъ не выясняетъ взгляда Библии на отношеніе души животныхъ къ тѣлу и оставляетъ безъ комментарія слова Св. Василия Великаго: „*душа всякаго животнаго кровь его есть*“, которыя могутъ подать поводъ къ превратнымъ толкованіямъ и которыя, какъ въ послѣдствіи увидимъ, можетъ быть, отчасти ввели въ заблужденіе его самого. Какъ богословъ, авторъ безъ сомнѣнія могъ-бы дать читателю болѣе подробное изложеніе и болѣе полный анализъ Библейскаго ученія, — тѣмъ болѣе, что и литература по этому предмету далеко не исчерпывается однимъ Библейскимъ словаремъ Вигуру.

Обращаясь къ положенію вопроса въ современной наукѣ, авторъ хочетъ „оправдать свое право на участіе въ рѣшеніи этого вопроса въ качествѣ простаго, скромнаго богослова“, и съ этою цѣлью подвергаетъ жестокой критикѣ приемы и научные ресурсы тѣхъ натуралистовъ, которые въ настоящее время хозяйничаютъ въ сравнительной психологіи и зоопсихологіи. Нужно признаться, что его критическія замѣчанія очень справедливы и развиты имъ съ замѣчательною ясностью. Указывая на то, что знаніе фак-

товъ само по себѣ отнюдь не гарантируетъ отъ ошибокъ, что необходимо еще ихъ пониманіе, объясненіе, онъ видитъ именно въ объясненіи фактовъ слабую сторону натуралистовъ. Натуралистамъ недостаетъ того, что въ данномъ случаѣ является единственнымъ условіемъ правильнаго объясненія,—недостаетъ философскаго развитія. Ихъ психологическія представленія часто поражаютъ своею наивною и несообразною; ихъ понятія въ области этики крайне смутны и дѣтски неразвиты; наконецъ, ихъ невѣжество въ вопросахъ религіи изумительно. Отсюда именно происходятъ ихъ вздорныя теоріи, приписывающія животнымъ не только умственную жизнь, но даже нравственныя понятія и религіозныя представленія. Всѣ эти мысли, повторяемъ, совершенно вѣрны, и авторъ не первый ихъ высказываетъ. Но едвали можно согласиться съ его заключительнымъ выводомъ, что рѣшеніе вопроса о психологическомъ отношеніи человѣка и животныхъ „есть дѣло не столько фактовъ, сколько философской школы, общаго философскаго міросозерцанія“. Если это, быть можетъ, такъ есть въ настоящее время, то едвали это такъ должно быть въ принципѣ и такъ оставаться всегда. Данный вопросъ имѣетъ совершенно эмпирическій характеръ. Рѣшеніе такого вопроса, вытекающее изъ общаго міросозерцанія, можетъ быть случайно истиннымъ, но оно никогда не можетъ быть убѣдительно; оно получить научную цѣнность только тогда, когда будетъ основываться на тщательномъ и всестороннемъ изслѣдованіи фактовъ. Впрочемъ, мы не думаемъ, чтобы самъ авторъ серьезно вѣрилъ въ правильность своего парадокса: изъ нѣкоторыхъ его положеній нужно заключить, что онъ отрицаетъ не столько необходимость здѣсь самыхъ фактовъ, сколько необходимость ихъ *непосредственнаго* изслѣдованія. Онъ думаетъ, что непосредственное изученіе сравнительно-психологическихъ фактовъ можно вполне замѣнить знакомствомъ съ тѣмъ фактическимъ матеріаломъ, который уже собранъ натуралистами,—тѣми самыми натуралистами, которыхъ онъ подвергаетъ литературному гоненію. По его мнѣнію, „фактовъ накоплено уже многое множество и, притомъ, хорошо проверенныхъ“; все дѣло лишь въ томъ, чтобы правильно истолковать ихъ съ точки зрѣнія „общаго міросозерцанія“. Увы, все это глубокое за-

блужденіе! Даже при лучшихъ условіяхъ знакомство съ чужими наблюденіями никогда не можетъ замѣнить своихъ непосредственныхъ наблюденій; въ данномъ-же случаѣ объ этомъ невозможно и думать. Хорошо провѣренныхъ сравнительно-психологическихъ фактовъ крайне мало, настолько мало, что вѣроятно пройдутъ десятки лѣтъ, прежде чѣмъ сравнительная психологія и зоопсихологія стануть на твердую эмпирическую почву. То, что обыкновенно выдается за такіе факты, суть въ большинствѣ простые анекдоты, случайнаго и даже неизвѣстнаго происхожденія, въ которыхъ дѣйствительная основа причудливо переплетается съ вымысломъ. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда достовѣрность этихъ фактовъ не можетъ подлежать сомнѣнію, произвольная интерпретація наблюдателя или рассказчика вкладываетъ въ нихъ такія черты, которыя совершенно измѣняютъ ихъ смыслъ. И такого рода „фактами“ переполнены не только извѣстные автору „Anecdotes of dogs“ и „Anecdotes of animals“, но даже лучшія сочиненія по зоопсихологіи, каковы наприм. труды Ромэнса. Чтобы правильно истолковать эти „факты“, нужно сначала очистить ихъ отъ фантастическаго элемента и возстановить ихъ подлинный видъ. Но какъ-же сдѣлаетъ это теоретикъ, вооруженный только „общимъ міросозерцаніемъ“ да презрѣніемъ къ натуралистамъ? Онъ никакъ не можетъ этого сдѣлать. Для этого есть только одно дѣйствительное средство: самому наблюдать и непосредственно провѣрить указанные факты, т. е. самому сдѣлаться натуралистомъ. Помимо этого, даже тѣ факты, которые дѣйствительно хорошо провѣрены, часто выражаютъ настолько неполное наблюденіе, что правильный выводъ изъ нихъ невозможенъ; чтобы правильно истолковать ихъ, необходимо дополнить ихъ новыми наблюденіями. Приведемъ для ясности примѣръ. Выдающійся изслѣдователь жизни муравьевъ, Пьеръ Гюбэ путемъ многочисленныхъ опытовъ удостовѣрился въ томъ, что муравьи распознаютъ другъ друга, такъ-какъ особи, взятая изъ муравейника и вновь положенная туда черезъ четыре мѣсяца, дружелюбно принимаются своими собратьями, а особи того же самаго вида, но взятая изъ другого муравейника, изгоняются ими. Другой извѣстный изслѣдователь насѣкомыхъ, Лѣббокъ, провѣрилъ это наблюденіе и нашелъ, что оно

совершенно вѣрно: муравьи дѣйствительно распознаютъ другъ друга. Что слѣдуетъ изъ этого факта? Повидимому, выводъ ясенъ: если муравьи по прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ распознаютъ свои особи и различаютъ ихъ отъ чужихъ, то это значитъ, что они имѣютъ необыкновенно тонкія воспріятія индивидуальныхъ различій и обладаютъ замѣчательной памятью. Легко сообразить, какія слѣдуютъ отсюда дальнѣйшія заключенія объ интеллектуальныхъ качествахъ муравьевъ! Что-же скажетъ противъ этого вывода дилетантъ-теоретикъ? Онъ долженъ или принять его, или ограничиться голословнымъ его отрицаніемъ. По тѣмъ или другимъ побужденіямъ онъ можетъ съ нимъ не согласиться, но опровергнуть его онъ не можетъ, потому что въ самомъ фактѣ онъ не найдетъ опровергающихъ данныхъ, а общія соображенія не будутъ здѣсь убѣдительны. Между тѣмъ достаточно маленькаго дополнительнаго наблюденія, чтобы уничтожить всякую возможность подобнаго вывода. Тотъ-же самый Лёббокъ произвелъ слѣдующій опытъ. Онъ бралъ изъ муравейника не муравья, а простую личинку, въ которой еще не опредѣлились никакіе индивидуальные признаки особи, и затѣмъ, когда эта личинка развивалась и превращалась въ муравья, вновь клалъ послѣдняго въ муравейникъ. Результатъ былъ тотъ, что и въ этомъ случаѣ муравьи принимали своего вновь народившагося собрата. Отсюда уже становится очевиднымъ, что взаимное распознаваніе муравьевъ не индивидуальное, а родовое, въ которомъ память не играетъ ни малѣйшей роли. Является полная возможность предполагать, что муравьи различаютъ особи своей колоніи отъ чужихъ просто по ихъ специфическому запаху. Правильнѣ-ли послѣдній взглядъ, это опять-таки должны показать дальнѣйшія наблюденія (Срав. *Wundt, Vorlesungen über die Menschen—und Thierseele, 2 umgearb. Aufl. S. 374*). И подобныхъ фактовъ множество. Что-же, спрашивается, будетъ дѣлать съ ними теоретикъ, который знакомится съ фактическимъ матеріаломъ изъ вторыхъ рукъ и даже отрицаетъ всякую необходимость знакомиться съ нимъ ближе? Ясно, что онъ даже въ объясненіи этихъ фактовъ будетъ идти на помочахъ у натуралистовъ, — у тѣхъ философски неразвитыхъ натуралистовъ, къ которымъ авторъ питаетъ такое справедливое недовѣріе, — и тамъ, гдѣ натуралисты

ему ничего не подскажутъ, онъ останется безпомощнымъ. — Такимъ образомъ, истина въ томъ, что вопросъ о психологическомъ отношеніи чловѣка и животныхъ (какъ и всякій другой эмпирической вопросъ) есть *столько-же* дѣло фактовъ, сколько философской мысли и здраваго философскаго міросозерцанія: чтобы правильно и научно рѣшить его, нужно быть заразъ натуралистомъ и философски развитымъ психологомъ.

Устанавливая эту истину, которая въ сущности не требовала-бы никакихъ доказательствъ, мы вовсе не хотимъ сказать, что „простой, скромный богословъ“ не имѣетъ права писать журнальную статью о данномъ предметѣ. Писать можетъ всякій о чемъ угодно, только безъ лишнихъ претензій. *Ut desint vires, tamen est laudanda voluntas*, какъ говоритъ Овидій. Кроме того, въ этомъ вопросѣ богословъ имѣетъ свою специальную задачу, осуществленіемъ которой онъ окажетъ несомнѣнную услугу научной истинѣ: онъ можетъ выяснитъ христіанскій взглядъ на вопросъ и поставить его какъ идеаль для научнаго изслѣдованія. Сдѣлать это не только его право, но даже обязанность, не нуждающаяся ни въ какомъ оправданіи. Это именно до нѣкоторой степени и дѣлаетъ статья о Свѣтлова, и если, какъ мы видѣли, даже въ этомъ отношеніи она не совсѣмъ удовлетворительна, то все-таки здѣсь лежитъ ея главный интересъ.

Разсчитавшись съ натуралистами, авторъ переходитъ къ обзору прежнихъ и современныхъ научныхъ теорій по избранному имъ вопросу. Раздѣливъ эти теоріи на три группы, онъ прежде всего изслѣдуетъ *теорію автоматизма*, рассматривающую животныхъ какъ простыя органическія машины, лишеныя сознанія и автоматически реагирующія на внѣшнія возбужденія. Какъ извѣстно, это — теорія Декарта и его послѣдователей. Авторъ находитъ, что эта теорія явно противорѣчитъ фактамъ и нисколько не оправдывается даже апологетическими побужденіями, изъ которыхъ она собственно возникла. Далѣе слѣдуетъ опроверженіе „*позитивно-научныхъ (дарвинистическихъ) теорій*“, которыя, въ противоположность теоріи автоматизма, приписываютъ животнымъ всѣ психическія силы чловѣка, только въ меньшей степени развитія. Мы сомнѣваемся, чтобы всѣ „позитивно-научныя“ теоріи были непременно

„дарвинистическія“, но если это такъ, то авторъ совсѣмъ напрасно ставитъ въ число дарвинистовъ Вундта и Агассиза. *Horribile dictu!* Вѣдь, Вундтъ и Агассизъ не приверженцы, а противники дарвинизма; если о Вундтѣ это, быть можетъ, не всякому извѣстно, то объ Агассизѣ это знаетъ любой гимназистъ. Даже въ работѣ, написанной съ меньшими претензіями, было-бы изумительно и прискорбно встрѣтить подобный промахъ. Такіе промахи роняютъ достоинство нашей духовной литературы. Кстати, съ воззрѣніями Вундта авторъ знакомъ только по старому изданію его „Лекцій о душѣ человѣка и животныхъ“. На это изданіе онъ часто ссылается и придаетъ ему такую важность, что цитируетъ его заразъ и въ русскомъ переводѣ, и въ подлинникѣ. Нужно знать, что теперь уже нельзя ссылаться на это изданіе: оно совершенно устарѣло и самъ Вундтъ давнымъ давно отказался отъ него въ большинствѣ пунктовъ. Въ прошломъ году вышло второе, совершенно переработанное изданіе этого сочиненія, и еслибы авторъ потрудился познакомиться съ нимъ, онъ могъ-бы многому научиться. Между прочимъ, онъ нашелъ-бы тамъ немало сильныхъ аргументовъ въ защиту тѣхъ самыхъ положеній, которыя онъ теперь отстаиваетъ противъ Вундта¹⁾. Кроме того, вѣдь, Вундтъ написалъ еще кое-что. У него есть наприм. двухтомный „Учебникъ фізіологической психологіи“, есть „Система философіи“, есть упоминаемая авторомъ статья „О современномъ состояніи психологіи животныхъ“, и съ этими сочиненіями долженъ быть знакомъ тотъ, кто берется разсуждать о сравнительно-психологическихъ взглядахъ знаменитаго ученаго.

Третью разсматриваемую о. Свѣтловымъ группу теорій составляютъ такъ называемыя имъ „теоріи сходства“, которыя, допуская психологическое подобіе человѣка и животныхъ, въ то-же время устанавливаютъ между ними болѣе или менѣе существенныя различія. Здѣсь авторъ со-

¹⁾ Какъ показываетъ 3 примѣчаніе на 26 страницѣ, авторъ слышалъ о появленіи новаго изданія книги Вундта. Только мы не знаемъ, почему онъ предполагаетъ, что это — „значительно дополненное изданіе“. Это — переработанное и сокращенное изданіе, сокращенное ни больше, ни меньше, какъ вдвое.

средоточивается главнымъ образомъ на изложеніи и разборѣ взглядовъ Реймаруса, которые по его мнѣнію остаются господствующими даже до сихъ поръ. Онъ соглашается съ Реймарусомъ въ большинствѣ пунктовъ, но считаетъ ложною его мысль, будто-бы животныя совершенно лишены ума. Безусловное отрицаніе „ума“ у животныхъ по мнѣнію автора невозможно, и онъ доказываетъ это какъ теоретическими соображеніями, такъ и фактами. На его теоретическихъ соображеніяхъ мы не будемъ останавливаться, такъ-какъ они исчерпываются мало выясненнымъ и здѣсь совершенно не примѣнимымъ положеніемъ, что „Стюартъ Миддъ, Гельмгольцъ, Шопенгауэръ, Зигвартъ и Вундтъ (и Либманъ,—не правда-ли?) отлично доказали необходимость участія сужденій въ самыхъ первоначальныхъ актахъ знанія, какъ воспріятія“ (Срав. *Liebmann, Zur Analysis der Wirklichkeit*, 2 Aufl. S. 498). Что-же касается фактовъ, то они какъ-будто нарочно приведены для того, чтобы доказать, какъ мало способенъ дилетантъ правильно ориентироваться въ достовѣрности того, что онъ почерпаетъ изъ чужихъ книгъ, и какъ мало можетъ онъ превзойти философовъ неразвитыхъ натуралистовъ въ самомъ пониманіи и объясненіи чужихъ наблюденій, Возьмемъ тотъ рассказъ о слонѣ, который приводится авторомъ на 33 стр. въ доказательство того, что „слонъ размышляетъ“. Что въ этомъ рассказѣ правда, и что вымыселъ? Что въ немъ составляетъ дѣйствительную основу и что принадлежитъ интерпретирующему воображенію рассказчика? Какія дѣйствительныя подробности въ немъ сообщены и какія совсѣмъ упущены? О. Свѣтловъ даже не задастъ себѣ этихъ вопросовъ, да если-бы онъ ихъ и задалъ, онъ не могъ-бы на нихъ отвѣтить. Онъ просто вѣритъ рассказу на слово и считаетъ всѣ его подробности „хорошо проверенными фактами“. Между тѣмъ достаточно обратить вниманіе уже на ту подробность, что слонъ, найдя выходъ изъ затрудненія, „вдругъ сильно захопалъ ушами какъ-бы отъ радости, что понялъ, въ чемъ дѣло“, и вся исторія становится сомнительной. Эта анекдотическая подробность настолько носитъ характеръ субъективной прикрасы, что, можетъ быть, весь данный рассказъ не болѣе достовѣренъ, чѣмъ извѣстный рассказъ Цилия о другомъ слонѣ, который учился по ночамъ

танцевать для того, чтобы днемъ отличиться въ циркѣ и не быть наказаннымъ своимъ хозяиномъ. Но допустимъ, что рассказъ имѣетъ реальную основу; какъ авторъ его понимаетъ? Онъ видитъ въ немъ одинъ изъ „поразительныхъ и, такъ сказать, классическихъ примѣровъ или фактовъ ума животныхъ“; онъ находитъ, что дѣйствія слона нельзя объяснить ни инстинктомъ, ни механизмомъ ассоціацій: „слопъ *размышляетъ*“. Все это для него настолько очевидно, что, передавъ рассказъ, онъ восклицаетъ: „требуются-ли здѣсь еще какіе-либо комментаріи?“ Посмотримъ, такъ-ли это на самомъ дѣлѣ. Еслибы намъ рассказали съ полнымъ ручательствомъ за достовѣрность, что слонъ, накачивавшій воду въ корыто, тотчасъ обратилъ вниманіе на то, что корыто опрокинулось, немедленно бросилъ насосъ и, подойдя къ корыту, подставилъ подъ него выскользнувшій обрубокъ, то въ разумности такого слона не оставалось-бы ни малѣйшаго сомнѣнія. Было-бы очевидно, что слонъ, дѣйствующій подобнымъ образомъ, на самомъ дѣлѣ мыслить, что онъ понимаетъ истинный смыслъ вещей и явленій, ихъ причины и ихъ воображаемыя слѣдствія, что онъ ставитъ себѣ разумныя цѣли и умѣетъ найти разумныя средства для ихъ исполненія. Но рассказъ передаетъ совсѣмъ не то. Когда корыто опрокинулось, слонъ не обращаетъ на это вниманія и продолжаетъ накачивать воду. Только тогда, когда вода стала сильно выливаться изъ корыта, онъ оставляетъ насосъ. Почему онъ это дѣлаетъ, рассказъ не сообщаетъ, но дѣйствительную причину можно съ увѣренностью предполагать: вѣроятно, вода потекла слону подъ ноги и причинила ему непріятныя ощущенія. Слонъ идетъ къ корыту, но вовсе не для того, чтобы привести его въ равновѣсіе, а для того, чтобы снова возвратиться къ насосу и снова накачивать воду. Такъ повторяетъ онъ до трехъ разъ и только послѣ этого—выбрасываетъ хоботомъ другой обрубокъ, поддерживавшій противоположный конецъ корыта. Что это значитъ? Это значитъ, что слону нужно было три раза подвергнуться непріятнымъ ощущеніямъ, три раза бросать ручку насоса и три раза подходить къ корыту для того, чтобы у него образовалась *ассоціація* между вытекающею водою и неправильнымъ положеніемъ корыта. Кромѣ простой, медленно слагающейся ассоціаціи тутъ, очевидно,

нѣтъ ничего. Слѣдующее затѣмъ движеніе, которымъ слонъ выбрасываетъ изъ-подъ корыта другой обрубокъ, есть уже полу-рефлексъ, естественно и неизбежно возникающій изъ этой ассоціаціи. Это—такъ называемое „идеомоторное“ движеніе, въ которомъ здѣсь находятъ непосредственный и автоматическій исходъ живое представленіе непріятнаго препятствія и желаніе удалить его. Чтобы сдѣлать это движеніе, слону было нужно не больше „размышлять“, чѣмъ наприм. собакѣ, когда она отворяетъ лапами дверь, чтобы выйти изъ комнаты. Такимъ образомъ, если-бы авторъ потрудился получше вникнуть въ дѣло, онъ могъ-бы найти, что фактъ (насколько онъ вѣроятенъ) имѣетъ другое, болѣе простое и болѣе естественное объясненіе. Справедлива мысль, что факты сами по себѣ не гарантируютъ отъ ошибокъ и нужно еще умѣть понимать ихъ; но справедливо и то, что значеніе этой истины должны оцѣнить не только философски неразвитые натуралисты, но и тѣ дилетанты, которые берутся поправлять ихъ.

„Умъ“, приписываемый авторомъ животнымъ, не есть отвлеченное мышленіе и вообще не есть мышленіе посредствомъ понятій; но въ чемъ именно состоитъ этотъ „умъ“ и чѣмъ отличается онъ отъ простыхъ ассоціативныхъ процессовъ, о. Свѣтловъ мало разъясняетъ. Правда, на стр. 18 онъ говоритъ, что кромѣ разума, который одинъ дѣлаетъ чловѣка чловѣкомъ и возвышаетъ его надъ природой, есть еще другой, низшій умъ, — тотъ самый, „который является движущимъ началомъ и силою культуры“... Но, конечно, это не объясненіе. Въ лучшемъ случаѣ, это—смѣшеніе психологической точки зрѣнія на предметъ съ этической; въ худшемъ случаѣ, это—куръезъ, который мы отказываемся понимать. Нѣтъ, съ такимъ средствами и приемами нельзя учить натуралистовъ!

Въ заключеніе авторъ снова возвращается къ Библейскому ученію. Показывая, что научная мысль неизбежно должна придти къ взглядамъ Библии, если она станетъ на вѣрный путь въ рѣшеніи вопроса, онъ еще разъ формулируетъ Библейскую точку зрѣнія въ связи съ тѣми данными, которыя онъ получилъ въ результатѣ критики научныхъ теорій. Согласно съ Библейскимъ ученіемъ онъ усвоетъ животнымъ всѣ низшія психическія свойства чловѣка, ка-

ковы: ощущеніе, представленіе, память и проч., но считаетъ невозможнымъ приписать имъ разумъ, личность, свободу, безсмертіе, нравственность, познаніе сверхчувственнаго міра и способность къ религіи. Все это совершенно справедливо и было-бы, вѣроятно, еще справедливѣе, еслибы авторъ присовокупилъ, что животнымъ нельзя приписать и „ума“. Но какъ понять слѣдующее заявленіе автора: „Все это ведетъ къ заключенію, что и самый принципъ животнопсихической жизни или *душа* животныхъ по своей природѣ не можетъ представлять существеннаго или качественного отличія отъ тѣла, т. е. что душа животныхъ не есть существо духовное и самостоятельное“? Неужели авторъ въ самомъ дѣлѣ хочетъ сказать, что душа животныхъ имѣетъ матеріальную природу и тѣлесныя свойства? Намъ кажется, что человѣкъ, претендующій на философское развитіе, не долженъ былъ-бы высказывать подобныхъ воззрѣній. Вѣдь, признавать душу животныхъ матеріальной значитъ что-нибудь одно изъ двухъ: или по-просту отрицать у животныхъ всякую душу, или становиться на матеріалистическую точку зрѣнія и считаться со всѣми ея роковыми послѣдствіями. Въ самомъ дѣлѣ, если душа животныхъ ничѣмъ существеннымъ не отличается отъ тѣла, то почему должны мы называть ее душой? Не проще ли тогда сказать извѣстнымъ народнымъ выраженіемъ, что „у животныхъ не душа, а только паръ“? Наконецъ, не значитъ-ли это возвратиться къ автоматизму Декарта, который, по собственному признанію автора, противорѣчитъ и фактамъ, и Библии? Съ другой стороны, развѣ не вытекаетъ отсюда совершенно матеріалистическій взглядъ на духовную природу самого человѣка? Вѣдь, если ощущенія, представленія, память, ассоціаціи и „умъ“ животныхъ имѣютъ матеріальную природу и матеріальное происхожденіе, то и у человѣка, у котораго эти процессы не отличаются ничѣмъ существеннымъ, они должны быть также матеріальны. А такъ-какъ у человѣка съ этими процессами связаны всѣ высшія духовныя функціи, то необходимо перенести матеріалистическій взглядъ и на нихъ. Само собой разумѣется, что подобное мнѣніе не можетъ найти для себя оправданія и въ Библии. Правда, авторъ можетъ сослаться на вышеприведенный текстъ Св. Василия Великаго, заимствованный изъ

книги Левить 17, 11: „душа всякаго животнаго кровь его есть“; но, безъ сомнѣнія, эти слова нужно понимать въ томъ смыслѣ, какъ они читаются въ подлинникѣ: „душа тѣла въ крови“,—т. е. не въ томъ значеніи, что кровь животныхъ тождественна съ ихъ душами, а въ томъ, что она есть „сѣдалище души“. Авторъ даетъ понять главный мотивъ, который привелъ его къ такому абсурдному воззрѣнію: допустивъ духовность психическаго начала животныхъ, онъ боялся приписать животнымъ безсмертіе. На чемъ основывались его опасенія, предоставляемъ судить ему: по нашему-же мнѣнію здѣсь все зависитъ оттого, какъ понимать безсмертіе и что считать въ чловѣкѣ безсмертнымъ. Безсмертіе не есть простое вѣчное существованіе, потому-что такимъ безсмертіемъ обладаетъ и каждый атомъ матеріи. Безсмертіе есть вѣчное существованіе разумной и свободной личности, а личностью въ чувственномъ мірѣ обладаетъ только чловѣкъ.

Въ концѣ своей брошюры, въ примѣчаніи, о. Свѣтловъ приводитъ списокъ извѣстныхъ ему книгъ по зоопсихологіи. Почему онъ счелъ „не безполезнымъ“ привести этотъ списокъ, мы не знаемъ. Если онъ имѣлъ въ виду спеціалистовъ, то спеціалистамъ его библиографическія указанія едвали будутъ нужны; если-же онъ имѣлъ въ виду профановъ, то имъ эти указанія едвали будутъ полезны. Дѣло въ томъ, что перечень его не отличается ни полнотой, ни хорошимъ подборомъ книгъ: рядомъ съ сочиненіями, дѣйствительно цѣнными, здѣсь фигурируютъ книжки дѣтскаго содержанія и анекдотическаго характера, изъ которыхъ читатель не почерпнетъ ни правильныхъ сравнительно-психологическихъ фактовъ, ни правильныхъ сравнительно-психологическихъ взглядовъ.

Въ виду своихъ недостатковъ брошюра священника Свѣтлова едвали можетъ быть „образчикомъ“ и даже „приблизительнымъ образчикомъ“ того, какъ нужно изслѣдовать разсматриваемый ею вопросъ. Но эти недостатки не лишаютъ ее нѣкоторыхъ положительныхъ достоинствъ, которыя даютъ ей мѣсто въ нашей бѣдной сравнительно-психологической литературѣ. Она написана самостоятельно, очень послѣдовательно и въ большинствѣ случаевъ ясно. Нѣкоторыя положенія развиты въ ней съ основательностью

и проникательностью, обнаруживающими въ авторѣ научный и литературный талантъ. Въ этомъ отношеніи выдѣляется именно вторая ея глава, которая при всѣхъ своихъ промахахъ остается лучшею частью изслѣдованія. Наконецъ, — и это главное, — брошюра посвящена апологетической задачѣ, которой нельзя не сочувствовать: какъ-бы ни была несовершенна апологетическая попытка по своимъ научнымъ приемамъ и средствамъ, она уже по одной своей цѣли заслуживаетъ вниманія.

Въ заключеніе настоящей замѣтки мы позволимъ себѣ высказать *pium desiderium*, которое, надѣемся, будетъ столько-же въ интересахъ православной апологетики, сколько и въ интересахъ чистой науки. Давно, намъ кажется, настало время, чтобы православные апологеты выступили въ рѣшеніи научныхъ вопросовъ не какъ безоружные дилетанты, а какъ образованные естествовѣды, вооруженные тѣми-же средствами, которыми враждебная имъ наука завоевала свое господствующее положеніе. Недостаточно бѣглыхъ экскурсій въ мало знакомую область и недостаточно одной отвлеченной критики: нужно поставить на мѣсто враждебныхъ вѣрѣ естественнонаучныхъ трудовъ равные имъ по научнымъ достоинствамъ труды въ христіанскомъ духѣ. Только тогда защита христіанскихъ идеаловъ будетъ вполне успѣшна и достигнетъ желанной цѣли. Къ сожалѣнію, объ этомъ нельзя и мечтать до тѣхъ поръ, пока наши богословы будутъ въ такой степени лишены естественнонаучнаго образованія, какъ теперь. Тотъ недостатокъ специальныхъ знаній, который мы отмѣтили у автора сейчасъ рассмотрѣнной брошюры, не есть его личный недостатокъ и не есть его личная вина: онъ есть результатъ общихъ печальныхъ условій, въ которыя поставлена у насъ апологетическая мысль. Съ прискорбіемъ нужно сознаться, что всѣ вообще наши богословы не имѣютъ ни подготовки, ни средствъ къ самостоятельной работѣ по вопросамъ, соприкасающимся съ естествознаніемъ, и, — что всего печальнѣе, — не имѣютъ даже возможности получить ихъ. И въ самомъ дѣлѣ, гдѣ-бы могли они получить естественнонаучное образованіе? Университеты для нихъ закрыты, а изъ духовныхъ академій только въ одной

Московской есть каедрa естественнаучной апологетики, да и та имѣетъ лишь полуоффиціальное существованіе, далеко не обезпеченное въ будущемъ. При настоящихъ условіяхъ мы видимъ только одинъ выходъ изъ этого ненормальнаго положенія: по нашему мнѣнію, во всѣхъ академіяхъ должны быть основаны каедрy естественнаучной апологетики, замѣщенныя хорошими спеціалистами и обставленныя всѣми необходимыми средствами. Если такимъ путемъ нельзя будетъ создать ученыхъ естествовѣдovъ, то можно будетъ создать апологетовъ съ общимъ естественнонаучнымъ образованіемъ и съ подготовкой для дальнѣйшихъ спеціальныхъ занятій. вмѣстѣ съ этимъ, конечно, нужно пожелать, чтобы двери нашихъ университетовъ были свободно раскрыты для тѣхъ богослововъ, которые по своимъ личнымъ условіямъ найдутъ возможность воспользоваться университетскими лекціями и лабораторіями. Католицизмъ, такъ чуткій къ запросамъ времени, уже давно понялъ эту настоятельную потребность естественнонаучнаго образованія богослововъ и необходимость самостоятельной христіанской науки. На европейскомъ Западѣ и въ Америкѣ существуютъ католическіе факультеты и даже цѣлыя католическіе университеты, посвящающіе свою дѣятельность естествознанію. Въ Бельгіи есть общество католическихъ естествоиспытателей, имѣющее свой органъ (*Revue des questions scientifiques*) и собирающее періодическіе научные конгрессы. Члены этого общества уже обогатили науку многими выдающимися трудами и немало способствовали тому измѣненію господствующаго научнаго міросозерцанія, которое отчасти замѣчается уже теперь. Все это для насъ идеаль, въ настоящее время, конечно, недостижимый, но достойный стремленій.

II. Соколовъ.
